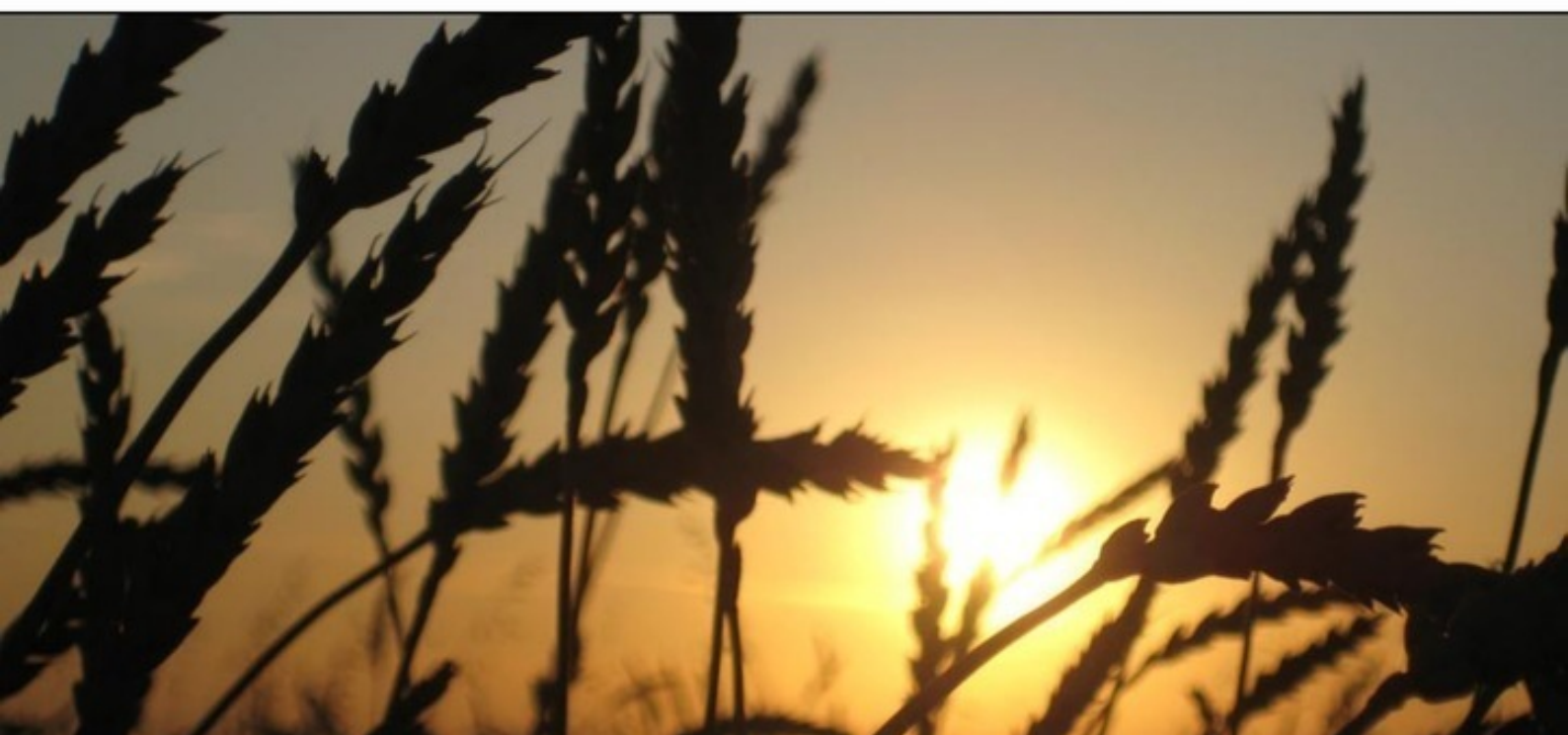

Игорь Захаров

*Небо
начинается
со взлёта*

Сборник стихов и рассказов

Игорь Захаров

**Небо начинается со взлёта.
Сборник стихов и рассказов**

«Издательские решения»

Захаров И.

Небо начинается со взлёта. Сборник стихов и рассказов /
И. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857427-6

Стихи и рассказы о той и этой жизни. Рассказы о курсантской жизни, офицерской жизни, пенсионерской юности, авиабайки. Словно голодный — хлеба, Я неба хочу — много! Где бы я только не был — В небо ведет дорога: Это — необъяснимо, Только я точно знаю — Жизнь пролетает мимо, Если я не летаю!!! (Вячеслав Кавардаков)

ISBN 978-5-44-857427-6

© Захаров И.
© Издательские решения

Содержание

Творчество Игоря Михайловича Захарова	6
Листья в небе	8
Третьим он точно не будет	9
Старый шлемофон	10
Мои слова	11
Старая карта	12
Нож	13
Любая ведёт дорога	14
В белой, бешеной позёмке	15
Разговор в степи с Генсеком	16
Гвардейская застольная	17
«Диалоги о полетах»	23
«Разговор в кабине самолета с тем, кто в кабине самолета ни разу не был»	24
Вначале было «Слово»!	26
Как проходили барокамеру	27
А это просто дата в календаре	28
А что потом?	29
Про Голикова	30
Про АКС-47	31
Про начало пути	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Небо начинается со взлёта

Сборник стихов и рассказов

Игорь Захаров

Поэт в России – больше, чем поэт.

В ней суждено поэтами рождаться лишь тем,

в ком бродит гордый дух гражданства,

кому уюта нет, покоя нет.

Евгений Евтушенко

Редактор Борис Владимирович Максименко

Фотограф Игорь Михайлович Захаров

© Игорь Захаров, 2017

© Игорь Михайлович Захаров, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-7427-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Творчество Игоря Михайловича Захарова

Стихи и рассказы о той и этой жизни. Рассказы о курсантской, офицерской жизни, пенсионерской юности, авиабайки.

Захаров Игорь Михайлович (Зах)

Посвящается Кавардакову Вячеславу. Он погиб в полёте. Первые два куплета жена нашла у него в кармане. 31 октября 2010 года ПЕСНЯ УЛЕТЕВШЕГО (ПАМЯТИ КАВАРДАКОВА) – стихи – В.Кавардаков, И.Захаров, Н.Душечкин, музыка и исполнение В.Поляков.

Кавардаков Вячеслав Леонидович
*выпускник Барнаульского ВВАУЛ 1975 года погиб в авиакатастрофе на вертолете
Ка-26 в Нефтекамске 20 января 1990 года.*

Листья в небе

Словно голодный – хлеба,
Я неба хочу – много!
Где бы я только не был —
В небо ведет дорога:
Это – необъяснимо,
Только я точно знаю-
Жизнь пролетает мимо,
Если я не летаю!!!

(Ковардаков В. Л.)

Это – начертано свыше
Это – как неизбежность
Или на землю «спишут»
Или – уйду в Вечность.
В небе свои порядки
Наша судьба такая
Больше не будет посадки
Я навсегда взлетаю
Золото в небо осень
Горстью листвы бросит
Я улетал в просинь
А оказалось – в проседь
Неба теперь – много
Исчезли ограниченья
Куда привела дорога
Уже не имеет значенья
Дома семья осталась
Жена и два милых созданья
Сегодня мне показалось
Что не было расставанья
Золото листьев осень
В небо уже не бросит
Я улетал в просинь
А оказалось – в проседь
Жизнь пролетела мимо
Только я точно знаю
Это необъяснимо —
Я ДО СИХ ПОР ЛЕТАЮ!

Третьим он точно не будет

(сказка, рассказанная на ночь)

Ночь афганская лихая
Снова душу бередит
Я её не прогоняю
Пусть на кухне посидит
С ней закурим, выпьем водки
Молча поглядим в окно
Месяц, утлый, словно лодка
Третьим просится давно
Ночь, не надо третьим – месяц.
Помнишь, как он предавал?
Гиндукуш из поднебесья
Мёртвым светом заливал
Ты – чернильным покрывалом
Закрывала нас в пути
И до цели помогала
Наши бомбы довести
А «прожектор» поднебесный
Освещал страну Афган
Боевой порядок тесный —
Строй моих однополчан
Гиндукушевых макушек
Каменный зловещий лес.
Ни прикрытья, ни вертушек
(вертолётов ПСС)
Видел месяц, как ракета
Поднимается к тебе,
Как неоновый прожектор
Ворожит твоей судьбе
Как несётся мраком ночи
«Сушка» через облака,
Как оранжевые точки
Рассыпает ДШК
Этот месяц, безучастно,
Раз за разом наблюдал,
Как живую плоть на части
Рвёт безжалостный металл
Даже смертнику на плахе
Он заглядывал в глаза
В общем, так – пошёл он на хер!
Только это и сказал.

Старый шлемофон

Как будто в комнату ворвался
Набатным колоколом стон
Сегодня в руки мне попался
Потёртый старый шлемофон
И сердце разом вспоминает
Крылом прочерченную синь
Маршруты жаркого Алтая
Горькоцветущую полынь
И славгородские просторы
И волн обских неспешный плеск
И белошапочные горы
И эполет курсантских блеск
И первые любви зарницы
И первая потеря слеза
И чьи-то длинные ресницы
И позабытые глаза
А небо чисто и высоко
Эола струнами поёт
Ведь это юность издалёка
Мне свой привет передаёт
И другом верным, беззаветным
От чудных лет остался он
Теплом души моей согретый
Потёртый старый шлемофон...

Мои слова

Мне чужд поэтов слог витиеватый
Сухим армейским до сих пор грешу
И непослушные слова-солдаты
С трудом на плац бумаги вывожу
Они, едва цепляясь друг за друга
Со временем изображают строй
Но рифму, свою верную подругу
Позабывают раз за разом взять с собой
После обеда, как всегда – поспать бы.
А то и в самоволку всей гурьбой!
Но иногда прелестнейшие свадьбы
Мои слова играют меж собой
А иногда над ними плачут вдовы...
Порой словам подняться надо в бой
Тогда за сорок пять секунд готовы
Слова Отчизну заслонить собой
Я – простой армейский кирзовый сапог.

Старая карта

Долгими бессонными ночами
Слушая пугающую мглу
Я опять на карте помечаю
И Пули – Хумри, и ГЭС Наглу
Брошу точный прочерк карандашный
По ущельям, где не видишь дно
Это в первый раз над ними страшно
А потом привыкнешь, всё одно
Звёзды над кабиной запылают
Яркой горстью золотых монет
По ночам они напоминают
Форсажи давно ушедших лет
Ставлю курсы, время, расстоянья
Километры от РСБН
Обвожу районы мирозданья
Где могу попасть в душманский плен
На бегу «слюнявчик» поправляя
Прыгну в самолёт, и – на Герат!
И технарь, в полёт благословляя
Мне подаст в кабину автомат
Звёзды над кабиной запылают
Яркой горстью золотых монет
А когда рассвет в окно вползает
Карта возвращается в планшет.

Нож

В белой, бешеной позёмке,
рвущей кожу целины
Мы бредём, как злые волки
по окраине войны
Раскалился рот от хрипа
как усталый автомат
Мы дойдём, прорвёмся.
Либо
похоронками назад.
Рты – в оскале, руки – к ножнам
Мы давно презрели смерть
Ведь солдату невозможно
без приказа умереть.
Словно призраки – бесплотно,
только вьюге вперерез.
Мы прорвёмся.
Точно, плотно
нож в ладошку ручкой влез.

Любая ведёт дорога

ЛЮБАЯ ведёт дорога
К светлым просторам неба,
Только до их порога
Земного испробуй хлеба
Шагом нетвёрдым первым,
Вылетом первым тоже
И перегрузок нервом
Земле ты обязан все же.
Земного не принимая,
В небо неукротимо
Икаром безумным взлетая, —
Жизнь пропускаешь мимо.
Бредя в тоске о лазури,
Почувствуй же равновесье:
Жизни волшебные струи
Совсем не на поднебесье.
В небо тебя отпуская,
Стараясь тебя коснуться,
Шепчет земля, заклиная, —
Сумей обратно вернуться.

Это отзыв на мой стих «Письмо оттуда», (второе название – «Листья в небе»)

А это – мой ответ на отзыв:

Соки высокому кедру
В корни Земля вложит
Это её недра
В вылете первом тоже
Хлебом земным питаюсь —
(Быль это, а не небыль)
Корни в земле остались
А листья – срываются Небом
И они из земли вышли
Но нет у меня сомненья:
Каждому в этой жизни
Своё предназначенье.

В белой, бешеной позёмке

В белой, бешеной позёмке,
рвущей кожу целины
Мы бредём, как злые волки
Через поле той войны
Раскалился рот от хрипа
как усталый автомат
Мы дойдём, прорвёмся.
Либо —
похоронками назад.
Рты – в оскале, руки – к ножнам
Мы давно презрели смерть
Ведь солдату невозможно
без приказа умереть.
В белой, бешеной позёмке
На мгновенье – бирюза
Проглянулся лучик ломкий
И внизу – глаза в глаза!
Зубы – в горло, пули – в сердце,
Кровь – флажками на снегу!
От судьбы уже не деться
Ни тебе, и ни врагу!
Словно призраки – бесплотно,
Под саванами снегов,
Мы пройдем.
Бесповоротно
нож – из ножен!
Я готов.

Разговор в степи с Генсеком

В белой, бешеной позёмке,
трущей кожу Целины
Рыщем, злобные, как волки
По окраине страны.
Поскорей, до ночи тёмной
Магазин какой найти
Но Генсек своей персоной
Вдруг явился нам в пути
Гой еси, куда, откуда —
Стал сурово вопрошать.
Никакого боле чуда
В Казахстане не видать?
Я тайком перекрестился
(под фуфайкой не видать)
И немедленно пустился
Памороки забивать:
«Здесь когда-то проходили
Караван за караваном
И коней водой поили
Багатуры Чингисхана
Где гюрза барханы гладит
И бежит в песках сайгак
Огородники посадят
Лук, морковку и бурак.
Заревут весной моторы
Зацветёт в степи тюльпан
Мы распашем даже горы,
А не только Казахстан!
Станут на море причалы
Разбегутся вширь пути.
Будет всё!!!!
Ты дай сначала
Магазин в пурге найти!

Гвардейская застольная

Здесь птицы ...не поют
Поляны... не цветут
Лишь мы со штурманом вдвоём в прицелы влипли тут
Не долетит до нас ракета
И не достанет ДШК
И лишь прожектор своим мёртвым светом
Ухватит за крыло сквозь облака
Ухватит за крыло сквозь облака
Загрузим все подвески
Мы в этом знаем толк
Колодки прочь – уходит в ночь гвардейский
Гвардейский сто сорок девятый полк!
Гвардейский сто сорок девятый полк!
Все ночи напролёт
Садимся в самолёт
Наверно, знает только Бог, кому не повезёт
Когда – нибудь мы вспомним это
И не поверится самим
Как увернулись мы от той ракеты
Оставив за соплом форсажный дым
Оставив за соплом форсажный дым
Загрузим все подвески
Мы в этом знаем толк
Колодки прочь – уходит в ночь гвардейский
Гвардейский сто сорок девятый полк!
Гвардейский сто сорок девятый полк!

5ЦК ПУАК, аэр. Луговая, «ангара»,

В вышеуказанной организации, на её аэродромах, служили и летали многие мои однокашники, и однополчане по инструкторским полкам БВВАУЛ.

Эти фото – с моей поездки по Киргизии 2009.

Токмок

Ил-28

Кто-нибудь вспомнит?

Зах.

На этом фото я на День авиации в Северном порту Новосибирска. Когда мы развернули этот баннер, к нам начали сразу стекаться незнакомые люди – техники, лётчики, штурманы с разных мест службы по России. И ведь нашлось сразу много общих знакомых!!!

На День авиации в Северном порту Новосибирска.

А Искитим – город в 70 тыс. чел. Стоит на реке Бердь, впадающей в 17-ти км. ниже в р. Обь перед самым Новосибирском. У нас 14 школ. столько же автобусных маршрутов. Через город проходит ж-д. Турксиб, в Среднюю Азию, и автотрасса на Алтай – Среднюю Азию. На берегу Берди – прекрасный сосновый бор, зимой там здорово на лыжах. В эту зиму, с января по первую декаду марта, стояли морозы 40 град.

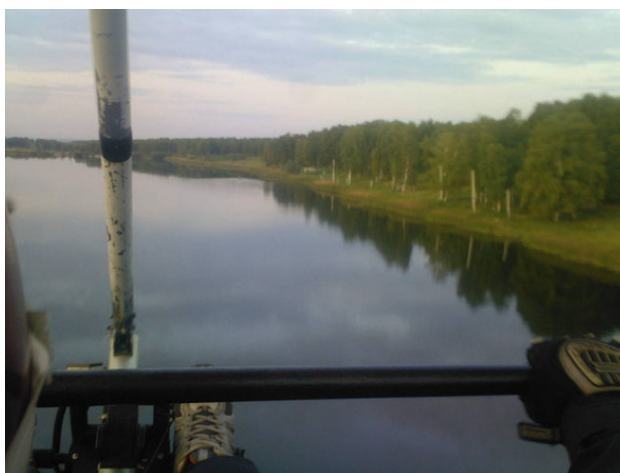
А сейчас я занимаюсь этим и этим:

Спасатель.

«Поехали»

И в небе.

Три года подряд на нашей полосе летали курсанты с Луговой – у них ремонтировали полосу.

Летали афганцы – угрюмые, насупленные, нелюдимые. Невольно думалось про них – вот сейчас научим их, а за кого они потом летать станут?

Летали кубинцы – загорелые, симпатичные, веселые и приветливые парни. Они рассказывали, что на Кубе нет такого понятия – УМП. Фидель им сказал: всепогодная авиация должна летать в любую погоду! И они свято выполняли его заветы и шуровали в любой туман. Бились, правда, но то ж за идею!

Летали вьетнамцы – до того мелкие, что на сиденье кресла подкладывали кучу подушек (не спальных)

Выхожу из класса предполётной подготовки в курилку – там сидят четверо вьетнамцев в повседневной форме одежды, хотя у них в это время идут полеты.

– Чего не летаете? – спрашиваю.

Отвечают – А-а, списа-я-я-ли...

– Как, списали, за что?

– А-а, стлясьно!

– Как, где «стлясьно», в зоне, что ли?

– Не-е-е, в зоне не стлясьно, а вот на посадке – стлясьно!

Это называется – боязнь земли, в инструкции это было прописано как одна из причин взмывания. (вторая – несоразмерное приближению к земле взятие ручки на себя).

У нас, среди инструкторской братии, коротко говорилось так: – кто ссыт, тот взмывает.

Хочу сделать необходимое предисловие к последующим далее текстам.

Они являют собой простое описание событий, происходивших когда-то со мной и моими однополчанами в стране «ВВС».

Написаны они для моих однокашников, и большинство имён, встречающихся в тексте, знакомо только выпускникам БВВАУЛ, и моим однополчанам.

Собственно, мотивом написания этих строк было стремление избежать очередного приступа беспамятства. Авиационная терминология и жаргон – стандартные для ВВС СССР периода 70 – 90 годов.

В целом, уровень повествования – курсанта второго курса, наивный и простецкий. Но я сознательно не стал писать «по-возрослому», в результате некоторым (очень немногим) нравится.

Итак :

1990 г. В одной газете прочитал, что летчики много получают, и надо бы урезать им зарплату. Родились возмущённые вирши.

«Диалоги о полетах»

ИЛИ

«Разговор в кабине самолета с тем, кто в кабине самолета ни разу не был»

Я часто слышу: «Мол, подумаешь – пилот!
Что трудного у вас – сидячая работа!»
А я б такого умника с собою взял в полет
И прокатил на полных оборотах
«Вы соки пьете и едите колбасу
И бешеные денежки гребете!»
А ты попробовал МиГ отличить от Су
Что можешь знать ты о моей работе
А ну держись, приятель, я движкам даю форсаж
Летит навстречу небо голубое
Ты, верно, слышал кое-что про высший пилотаж
Сейчас увидишь ты и «– что» и «кое-»
Вот ручка на себя – и тяжелеет голова
Теперь ее держи двумя руками
А вот мы, наконец, ногами вверх. Едва-едва
Не спали ботики твои вместе с носками
Висеть вниз головой на лямках – не кино смотреть
Хотя вокруг просторы необъятны
Мы в небе выпишем такую круговерть
Что завтрак твой попросится обратно
Вот по спирали вверх идем винтом
Как в гимне том – все выше, выше, выше
Об этой неземной красе я расскажу тебе потом
Мы в ней живем и этим небом дышим
Сюда приводим друга – неразлучный самолет
Уставши – с ним спускаемся на землю
Прощай, друг – говорим ему, попавши в переплет
Мужская дружба фальши не приемлет
«Но нет – им не послать его на дно!» – сказал поэт
Я в оптимизме этом с ним согласен
«Да, океану все равно» – сказал поэт
Добавлю – хоть воздушный, он опасен
Немного отвлеклись. Так что ты там про колбасу?
Вопросик этот для тебя действительно столь важен?
Спроси меня – когда последний раз гулял в лесу?
Купался в речке, загорал на пляже?
Полеты, вновь полеты – не хлебаем лаптем щей
И незаметно вырастают дети
Я мало вижу их, я тоже не Кащей
Не триста лет живу на этом свете
Поменьше текста, нас уже зовет земля
Когда теперь еще ты летаешь
Не вспоминай о наших деньгах даже шутки для

И не суди о том, чего не знаешь
Мы камнем мчимся вниз. Но ведь и это не предел
И от падения закладывает уши
Мне, может, показалось, что ты тоже захотел
Сочку попить, да и колбаски скушать?
Все, хватит падать, нам опять пора наверх
Свинцовой перегрузкой давит плечи
Так ты сказал, что летчик получает больше всех?
Терпи, терпи, дружок – еще не вечер!
Мы сделаем шесть бочек, три – туда и три – сюда
Мне бочки делать доставляет радость!
Солен, как видишь, каравай пилотского труда...
(Судя по запаху, он за обедом скушал гадость)
Ну что же, коли так, быстрее идем домой
Дышите глубже, воротник откройте
А тут с земли – «Пойдешь на запасной.
У нас метель метет!». Вот это фортель!
Да ну! Идти на запасной – не для меня!
Меня же дома ждет жена Валюша
Мне дома хочется сегодня провести остаток дня
Есть пирожки и лепет дочки слушать!
А тут снежина валит, и в кабине – как в мешке
Снег липнет на стекло – ни зги не видно
Под шлемом жилка бьется учащенно на виске
Не сесть пилоту с ходу будет стыдно!
Ни горизонта, ни земли. Снег красит все в одно
Слились в единое глаза, приборы, руки
А кто-то на земле, на этот снег смотря в окно
Зевает во весь рот сейчас от скуки
Мы сели, мчим по полосе, визжат истошно тормоза
Теперь на все земное смотришь по – иному
Ты видел бы, дружок, жены моей глаза
Когда меня с полетов долго нету дома
Открыты фонари. Я встал ногами на снежок
Рукой со лба смахнувши каплю пота,
Ему сказал устало – ты был прав, дружок
У нас действительно – «сидячая» работа.

Вначале было «Слово»!

Это было в те далёкие времена, когда документы печатали на примитивных «Ундервудах» со сбитыми буквами. И вот какой был случай.

На сборном пункте, куда съехались все желающие поступать в различные военные училища, большая масса юношей проходит очередную, последнюю перед посадкой в вагоны, комиссию. Большой зал, несколько столов, прием хирурга. За столами сидят не только врачи, но и врачихи, причем далеко не преклонных лет. Подходит твоя очередь, снимаешь трусы, поворачивают тебя то задом, то передом, засовывают пальцы в пах – ищут паховую грыжу и т. д. Не всякий юноша в семнадцать лет выдержит подобный эротический массаж перед лицом незнакомой женщины, тем более, что это лицо так близко от....

Ну вот один юноша не справился с управлением и поднял свое орудие высоко в небо. Хирург его и по голове молоточком уже приударил, а он все стоит и гордо смотрит в небо. Тогда хирург дает парню пузырек с какой-то мазью и сочувственно говорит – иди, головку намажь!

Через минуту в двери появляетсянапомаженная голова и сконфуженно произносит: – ну вот, намазал!

Хохот наших глоток стоял невероятный!

Наконец отстрелялись с комиссией, вышли на плац на переключку. С крыльца горластый прапорщик выкрикивает фамилии по алфавиту из длинного манускрипта. Подходят фамилии на букву «З», жду своей. И внезапно прапор громко и чётко выкрикивает на весь плац – Залупаев! Насторожились все, но не откликнулся, что характерно, никто!

Повисла мёртвая тишина! Прапор, не ожидая такого подвоха от своего списка, зачем-то встряхивает бумагу, внимательно вчитывается в строчки и, неуверенно уже, но так же громко, кричит на весь плац – Залупнаев!

Опять никто не отзывается, мы продолжаем про себя офигевать, кто-то прыскает, еле сдерживая смех, и тут из задних рядов доносится жалобный, с обидой, голос – Да ЗалуНаев я!

Хохот наших глоток стоял невероятный!

В какое училище уехала эта чудная фамилия – не помню.

Как проходили барокамеру

Стоял очень жаркий, душный-предушный июльский день. Нас, группой из четырех человек, загнали на исследование в барокамеру. Надели и подключили шлемофоны, сидим, следим за ползущей стрелкой высотомера, да считаем пульс по команде «поднимающего». Рожи наши, по мере подъёма на высоту, краснеют, нападает болтливость, смешливость, травим друг друга анекдоты. Дошли уже до высоты в 5 км.

И тут раздаётся громкое шипение воздуха, стрелка высотомера закрутилась назад, а «поднимающий» заглянул через иллюминатор в барокамеру и кричит – снимайте ботинки! И носки тоже! Мы, было, подумали, что это тест такой, наверное, но дверь камеры распахнулась и мы увидели, что в комнате, где была барокамера, (а вы помните, что она была в крайней к стадиону четырех этажке и стояла немного ниже плаца) из-под каждого окна, между полом и стеной, били вверх фонтаны грязной воды. Пол по колено был ею уже залит.

Держа в руках обувь и ничего не понимая, добрались мы до входной двери и попытались ее открыть, но ее как будто кто-то держал снаружи. Тогда мы навалились все вместе, дверь подалась, но тотчас же в помещение снаружи хлынул мощный поток уже знакомой грязной воды. Мы быстро захлопнули дверь и забрались на ступеньки лестницы, где некоторое время сидели, пока напор воды не спал.

Выйдя потом из здания, мы увидели такую картину: весь огромный училищный плац покрыт водой, а по воде кто-то из абитуры плавает на круглой боковине от кабельной катушки, как на плоту. Потом в низу забора, выходящего на Партизанскую, пробиты дыры, вода ушла, а дыры эти еще долгое время так и оставались.

Оказалось, пока мы сидели в барокамере, над Барнаулом разразился короткий, но очень мощный ливень. Воды было столько, что по Ленинскому проспекту её поток нёс вниз в сторону Старого базара легковые автомобили.

На ж\д вокзале один пассажир, когда вода стала прибывать, забрался на автоматическую камеру хранения в надежде, что там пересидит, но вода поднялась до потолка и он не смог выплыть, утонул (камеры хранения в то время были в подвальной части).

А это просто дата в календаре

12-03-1944, недалеко от старинного украинского городка Проскурова, который позже был переименован в Хмельницкий, погиб командир 176 гвардейского истребительного Проскуровского Краснознаменного орденов Александра Невского и Кутузова полка имени Ленинского комсомола Лев Львович Шестаков. Они с ведомым капитаном Титоренко вылетели вдвоем с утра на «свободную охоту». Полковник лично хотел разведать воздушную обстановку в районе главного удара наших войск в самый разгар Проскурово-Жмеринской наступательной операции. За линией фронта они встретили большую группу немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87». На максимальной скорости Шестаков атаковал ведущего группы и сбил его. Не теряя ни секунды времени, он почти вплотную пристроился к хвосту следующего, оказавшегося ближайшим, бомбардировщика, и открыл огонь. юнкерс взорвался в воздухе, мощной взрывной волной закрутило самолет полковника, и боевая машина, потеряв управление, начала падать. Потом Титоренко увидел у самой земли белый всплеск парашюта. Запоздавшие вражеские истребители прикрытия навалились на Титоренко. Яростно отбиваясь, он сбил одного из них и на подбитом самолете с трудом дотянул до своего аэродрома. Лев Львович Шестаков был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза, двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Одессы» и «За оборону Сталинграда». Похоронен в центре города Проскурова.

А ЧТО ПОТОМ?

Помню, как в середине приема, или даже ближе к его концу, привезли в училище целый вагон алтайцев, человек двести. Наверное, как на местную коренную национальность, на них была разрядка на прием. Но, к чести училищного начальства, (а оно уже знало алгоритм работы с ними) их всех, не проводя через медкомиссию, психотбор, барокамеру, а, тем паче, через все экзамены, пропустили сразу через диктант по письменному русскому. На следующее утро их уже не было никого.

Не хочу обидеть алтайцев, поступивших и закончивших БВВАУЛ. Но така ест правда, как говорят поляки. Пишу, как было.

Абитуриент

Возле УЛО, ближе к ангару, стоял на дорожке Ил-28. Это был первый настоящий военный, боевой самолет, который я видел вблизи. Все ходили вокруг него, заглядывали в штурманскую кабину через стекла и пытались как можно больше что-то в полумраке рассмотреть. Потом майор Салин (а он был у нас начальником «абитуры») организовал, громадное ему спасибо, фотографирование у Ила. Теперь стою на фото, худой, молоденький, и Ил так рядом и остался на всю жизнь.

Подошла пора мандатной комиссии. Волновался, хотя имел в активе две пятерки, две четверки за экзамены и первую группу психотбора. На мандатке запомнил сурового полковника с гладко зачесанными назад волосами и шрамом на шее. (Впоследствии это оказался начальник УЛО Рожков. Между собой мы кликали его Рог. И побаивались, кстати). Когда все эти процедуры по приему завершились, еще даже до зачтения приказа о приеме, народу заметно поубавилось. Появились устойчивые знакомые, хотя пока и не друзья.

После мандатки мы с Саней Коробовым, земляком – новосибирцем, решили на последние оставшиеся деньги угостить товарищей, отметить, так сказать, это дело. Махнули в самоволку на Старый базар, накупили всяких фруктов, кураги и черносливу в большие газетные кульки.

Возвращаемся через «аппендицит», где многие поколения курсантов до нас стену церкви уже протерли своими кирзачами до дыр. Хлоп через забор, а там стоит капитан Голиков, будущий замполит нашего курса, и нас за шиворот, невзирая на наши оправдания, что, мол, для всех старались. Уже на следующее утро, на построении перед казармой, (а мы уже переехали в казарму, выходящую на Ленинский, между бульваром и церковью), нас майор Салин, начальник абитуры, вывел из строя и сказал слова, после которых жизнь моя рухнула, в глазах потемнело и внутри все оборвалось. Он сказал – я сделаю ВСЁ ВОЗМОЖНОЕ, чтобы ЭТИ ЛЮДИ в училище не попали!!!

Всё, п...ц. Ведь майор сказал – майор сделал!

Про Голикова

Был он ростом мал, похож на надувшего грудь и спрятавшего в перья клюв, воробья, отличался тем, что зимой носил форменную шапку глубоко натянутой на уши (или уши глубоко засовывал в шапку) так, что сзади она плотно лежала на воротнике его шинели. Когда хотел тебе что-то сказать, то облакал это в такую сложную словесную форму, что требовался толмач. Его перу принадлежат такие высказывания, произнесенные, в основном, на вечерней поверке, как:

– курсант должен быть подтянутым, как струйка!

– два курсанта живут в одной тумбочке, и не могут навести в ней порядок!

И незабвенный перл всех времен и народов, произнесенный именно на вечерней поверке

– подравняться всем по одной половой щели!

Дело в том, что в нашей казарме полы были сделаны из широких плах, по краям которых мы и равняли носки своих сапог в строю, и на построении иногда один взвод выравнивал носки сапог по одной «половой» щели, а соседний – по другой.

Хорошенькое начало!

Наши абитуриентские товарищи занимались неизвестно для нас чем, а мы с Саней занимались рас консервированием карабинов для наших же более удачливых товарищей и паковали свой нехитрый скарб для отъезда домой.

Возле стадиона, за барокамерой, возле мусорки, для нас поставили большую ванну, наполненную машинным маслом, под ней мы по утрам разводили костер из досок и упаковок от тех же карабинов.

Мы подцепляли железными крючьями каждый карабин, опускали их в кипящее масло, затем вынимали на стол, и тряпками стирали размякшую консервацию. Грустные мысли приходили тогда в голову, и какое-то отчаяние уже владело нами.

Мысленно я уже попрощался с училищем.

Жара стоит на улице, жары еще добавляет кипящее в ванне масло. Мы, потные, чумазы, как черти в аду, уже не первый день е... ся с карабинами.

И тут по дорожке, идущей вокруг стадиона, в широких и коротких брюках, нахмутив кустики черных бровей, короткими шажками к нам приближается.... «Спаситель» собственной персоной, только что Талмуд в руках не держит. Правильно вы подумали, это был майор Сурис. К тому времени он уже, как начальник курса, принял от майора Салина наш курс.

Грозно глянув на этих чумазах «грешников в геенне огненной», он прошел мимо нас, ничего не сказав, только нахмутив и без того торчащие кустистые чёрные брови. На следующий день мы с Саней уже стояли в строю товарищей. Да и карабины как-то внезапно тоже закончились. Так что, мужики, вы и не знали, чьи руки ваше оружие готовили.

Про АКС-47

Потом с этими карабинами мы по отдельённо занимались за ангаром УЛЮ подготовкой к стрельбам. Лежа в сухой, пыльной траве, наводили ствол на условного противника, а командир роты, капитан Скударнов прохаживался рядом, пуская нам в глаза зайчики голенищами своих надраенных «хромачей», и своим пронзительным скрипучим фальцетом командовал: целик – мушка!, целик – мушка!

14-го августа мы приняли присягу. Начался курс молодого бойца. Целыми днями мы маршировали по расквადраченному белой краской плацу, отрабатывая строевой шаг, повороты, отдавание чести на месте и движении, выход из строя и возвращение в строй и т. д. Надо сказать, август в тот год стоял жаркий. И вот как-то раз, отработав строевые приемы с оружием, отделение наше по команде Скударнова присело отдохнуть и обсохнуть на побеленный бордюр в тень развесистых старых кленов, а карабины свои мы ровненько уложили перед собой на асфальт плаца.

И тут со стороны штаба училища летит грузовик, как сейчас помню – ЗиЛ-130-й. Выскакивает он с дорожки на плац и, то ли не видя лежащие в тени наши карабины, то ли не успев среагировать, шурует прямо по стволам колесами! Раздается ровный стукоток и стволы наших, уже полюбившихся нам, карабинов загибаются в положение «стрельба из-за угла».

Про начало пути

Стригли нас налысо впервые в бытовке первого этажа. Стриг приглашенный цырульник. Посмотрев на себя в зеркало, мы впервые узнавали, что такое настоящие красивые мужские уши, приставленные к чьей-то уродливой башке. Потом в училищную баню и – прощай, «гражданка». Кто особо ценил свою одежду, мог отправить ее домой, кто-то просто выбросил, кто-то приберег в своем чемодане для будущих самоволок. Прямо там, в бане, выдали комплект новенькой, остро пахнувшей незнакомым мануфактурным запахом, формы, и такие же душистые сапоги с портянками (пока еще не душистыми).

Подшивали форму – аж болели подушечки пальцев. Толстые края погон никак не хотели протыкаться иглой без применения наперстка. Белый подворотничок пришивался долго, с многочисленными поправками, но все равно криво, «курица» на рукаве норовила улететь на совсем другой уровень от края рукава.

Часть курса молодого бойца мне пришлось пропустить из-за гайморита. То ли простыл во время памятного ливня в воде, то ли сказалось нервное напряжение при поступлении. Короче, полежал в нашей санчасти недельку. Промыли пазухи носа и всё, больше по жизни он меня не беспокоил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.